

> МАГИСТРАЛЪ >

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Ким

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К42

Rudyard Kipling

КИМ

Перевод с английского *А. П. Репиной*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Киплинг, Редьярд.

К42   Ким / Редьярд Киплинг ; [перевод с английского
А. П. Репиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Ма-
гистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-229850-9

«Ким» — лучший роман Редьярда Киплинга, признанный вершиной его прозы и одним из самых значительных произведений английской литературы конца XIX века. В этой книге приключение соединяется с философской глубиной, а экзотика Индии — с тонким размышлением о судьбе, выборе и принадлежности.

Главный герой, мальчик-сирота Ким, выросший на улицах Лахора, свободно скользит между мирами — колониальной власти и народной жизни, детской беспечности и ранней зрелости. Его путь пересекается с тибетским ламой, ищущим духовное освобождение, и вместе с этим странствием Ким оказывается втянут в сложную игру политических интриг и тайной разведки, известную как «Большая игра».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-229850-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О, вы, идущие тернистым
Путем ко славе в день суда,
Сочувствуйте молениям чистым
Язычника, чей Бог — Будда.

Несмотря на запрещение городской управы, он сидел верхом на пушке Зам-Заммах, стоявшей на глиняном постаменте против Аджайб-Гера, Дома Чудес, как называют Лагорский музей. Тот, кто владеет Зам-Заммахом, этим «извергающим огонь драконом», владеет Пенджабом. Большое орудие из позеленевшей бронзы всегда бывает первой добычей победителя.

Кима можно было оправдать до известной степени: он только что согнал с пушки мальчика Лалы Динаната — ведь Пенджаб находился во власти англичан, а Ким был англичанин. Хотя он был смугл, как любой туземец; хотя он предпочитал говорить на местном наречии, произнося слова как-то монотонно и певуче; хотя дружил с мальчиками на базаре — Ким был белый, беднейший из бедных белых. Женщина смешанной касты, присматривавшая за ним (она курила опиум и делала вид, что держит лавочку подержанной утвари у сквера, где стояли дешевые кебы), рассказывала миссионерам, что она сестра матери Кима; его мать была нянькой в семье одного полковника и вышла замуж за Кимбалля О'Хара, сержанта Меверикского

ирландского полка. Впоследствии он получил место на Синдо-Пенджабо-Делийской железной дороге, и его полк вернулся без него. Жена умерла от холеры в Ферозепоре, и О'Хара стал пить и шататься по линии с трехлетним ребенком, у которого были смышленные глазки. Различные общества и капелланы усердно старались захватить ребенка в свои руки, опасаясь за его участь, но О'Хара ловко ускользал от них, пока не встретился с женщиной, курившей опиум; от нее он научился любить опиум и умер, как умирают белые бедняки в Индии. После смерти у него осталось имущество, состоявшее из трех бумаг — одну из них он называл *pe varietur*, потому что эти слова были написаны под его подписью на бумаге, а другую — «чистой отставкой». Третья бумага была свидетельством о рождении Кима. «Эти вещи, — говаривал он в свои счастливые часы после курения опиума, — сделают человека из маленького Кимбалля». Ким не должен был ни под каким видом расставаться с этими бумагами, потому что они составляли орудие волшебства, магии — той магии, в которой упражняются люди, вон там, за музеем, в большом белом с синим доме «Джаду Гер», Волшебном доме. Он говорил, что со временем все обойдется и Ким вознесется среди громадных колонн, полных красоты и силы. Сам полковник, красующийся на коне во главе лучшего полка в мире, позаботится о Киме — маленьком Киме, которому должно житья лучше, чем его отцу. Девятьсот перворазрядных дьяволов, главой которых является Красный Бык на зеленом поле, будут заботиться о Киме, если они не забыли О'Хару, бывшего главного надсмотрщика на Ферозепорской линии. После этих слов он горько плакал, сидя на камышовом стуле на веранде. Когда он умер, женщина зашила пергамент, бумагу и свидетельство

о рождении в кожаный чехольчик, который повесила, как амулет, на шею Киму.

— И когда-нибудь, — сказала она, смутно припоминая пророчество О'Хары, — к тебе придет большой Красный Бык на зеленом поле, и явится полковник на большом коне и, — переходя на английский язык, — девятьсот дьяволов!

— А! — сказал Ким. — Буду помнить. Красный Бык и полковник на лошади явятся, но прежде, говорил отец, придут двое людей, которые расчистят путь для этого. Отец говорил, что они всегда поступают так и что это всегда бывает, когда люди занимаются волшебством.

Если бы женщина послала Кима с бумагами в какое-нибудь местное учреждение, его, конечно, взяла бы какая-нибудь провинциальная жола и отослала в сиротский масонский приют в горах; но она не доверяла магии. У Кима также были свои воззрения. Когда он вырос, он научился избегать миссионеров и белых людей серьезного вида, которые расспрашивали его, кто он и что он делает, потому что Ким с громадным успехом ничего не делал. Правда, он знал чудесный, обнесенный стенами город Лагор от Делийских ворот до наружного форта Дич, был коротко знаком с людьми, которые вели такую странную жизнь, о которой не мечтал и Гарун аль-Рашид, и сам жил дикой жизнью, словно действующее лицо арабских сказок, но миссионеры и секретари благотворительных обществ не понимали красоты этой жизни. Среди гарнизона он был известен под прозвищем «Маленький Всеобщий Друг»; гибкий и незаметный, он исполнял поручения хитрых, блестящих молодых франтов, пробираясь по крышам домов, переполненных народом. Конечно, это все были интрижки — он знал это, как знал все дурное с тех пор, как начал говорить, — но он любил эту игру ради нее

самой, любил красться по темным оврагам и переулкам, карабкаться по водосточным трубам, любил видеть и слышать женщин на плоских кровлях, любил бешеные скачки с крыши на крышу под покровом жаркой, темной ночи.

Интересовали его и набожные люди — перепачканные пеплом факиры у своих кирпичных алтарей на речном берегу. Ким был очень хорошо знаком с ними; он встречал их, когда они возвращались после своих странствований за милостыней, и ел с одного блюда с ними, когда никого не было поблизости. Присматривавшая за ним женщина со слезами настаивала, чтобы он носил европейскую одежду — штаны, рубашку и поношенную шляпу. Но при исполнении некоторых поручений Ким находил удобнее надевать индусский или магометанский костюм. Один из светских молодых людей — тот, которого нашли мертвым на дне колодца в ночь, когда было землетрясение, — дал ему однажды полную экипировку индуса, костюм уличного мальчика низшей касты, и Ким спрятал его в потаенный уголок под балками на деревянном дворе Нила Рама, позади здания Верховного Пенджабского суда, где бываю́т сложены пахучие бревна, принесенные течением. Когда Ким отправлялся по какому-нибудь делу или шел повеселиться, он пользовался этим костюмом. Возвращался он на веранду обыкновенно на заре, усталый от громких приветствий, с которыми шел по следам брачной церемонии, или от криков на индусском празднестве. В доме иногда бывала еда, иногда не бывало, и Ким снова уходил из дома, чтобы поесть со своими друзьями-туземцами.

Постукивая ногами о пушку, он временами прерывал игру с маленьким Чота Лалем и Абдуллой, сыном продавца сладостей, чтобы сделать грубое замечание полицейскому из туземцев, сторожившему ряды башмаков у дверей музея. Высокий уроженец Пенджаба снисходительно

усмехался: он уже давно знал Кима. Знал его и водовоз, поливавший сухую дорогу из мешка, сделанного из козьей шкуры. Знал его и Джавахир Синг, плотник музея, нагнувшийся над новыми ящиками для упаковки вещей. Знали его и все окружающие, за исключением приехавших из деревни крестьян, которые торопились в Дом Чудес, чтобы посмотреть, что сделали люди в их собственной провинции и в других местах. Музей был посвящен индусскому искусству и мануфактуре, и всякий жаждущий мудрости мог просить объяснений у хранителя.

— Прочь! Прочь! Пусти меня! — кричал Абдулла, карабкаясь на колесо пушки.

— Твой отец был пирожник, твоя мать украла ги¹, — распевал Ким. — Все мусульмане уже давно потеряли Зам-Заммах!

— Пусти меня! — пронзительно закричал маленький Чота в расшитой золотом шапочке. У отца его было, по всей вероятности, около полумиллиона фунтов стерлингов, но Индия — единственная демократическая страна в мире.

— Индусы тоже потеряли Зам-Заммах. Мусульмане прогнали их. Твой отец был пирожник...

Он остановился. Из-за угла со стороны шумного базара Моти показался человек, каких никогда не видывал Ким, полагавший, что знает все касты. Он был ростом почти в шесть футов, одет в темную одежду с бесчисленными складками из материи, похожей на ту, из которой делают попоны, и ни по одной из складок Ким не мог определить, к какого рода промыслу или профессии принадлежит этот человек. На поясе у него висел ажурный железный пенал

---

¹ Коровье масло, особым образом обработанное, по-туземному.

и деревянные четки, какие носят святые люди. На голове красовалась шляпа гигантских размеров. Лицо у него было желтое и сморщенное, как у Фук-Шинга, китайца-сапожника на базаре. Чуть раскосые глаза походили на ониксы с трещиной посередине.

— Кто это? — спросил Ким товарищей.

— Кажись, человек, — сказал Абдулла, засунув палец в рот и пристально смотря на незнакомца.

— Без сомнения, — возразил Ким, — но он не из Индии; таких людей я никогда не видел.

— Может быть, жрец, — сказал Чота Лаль, заметив четки. — Посмотрите, он идет в Дом Чудес!

— Ну, ну, — сказал полицейский, качая головой, — я не понимаю, что вы говорите. — Полицейский говорил по-пенджабски. — О, Всеобщий Друг, что такое он говорил?

— Пришли его сюда, — сказал Ким, спускаясь с пушки и показывая свои голые пятки. — Он — иностранец, а ты — буйвол.

Человек обернулся с беспомощным видом и направился к мальчикам. Он был стар; его грубый шерстяной плащ еще сохранял неприятный запах чернобыльника, растущего в горных ущельях.

— О дети, что это за большой дом? — сказал он на очень хорошем языке урду.

— Это Аджайб-Гер — Дом Чудес! — Ким не назвал незнакомца «Лала» или «Миан». Он не знал, какой веры иностранец.

— А! Дом Чудес! Можно войти туда?

— На двери написано: всякий может войти.

— Бесплатно?

— Я вхожу и выхожу. А я не банкир, — со смехом сказал Ким.

— Увы! Я старик. Я не знал. — Перебирая четки, он обернулся в сторону музея.

— Какой ты касты? Где твой дом? Пришел ты издалека? — спросил Ким.

— Я пришел из Кулу — из-за Каиласа, но, впрочем, что знаете вы? С гор, где, — он вздохнул, — воздух и вода свежи и прохладны.

— Ага! Китаи (китаец), — важно проговорил Абдулла. Фук-Шинг прогнал его однажды из лавки за то, что он плюнул на священное изображение.

— Пахари (горец), — сказал маленький Чота Лаль.

— Да, дитя, горец с гор, которых ты никогда не увидишь. Слышал ты о Бод-юм (Тибете)? Я — не китаец, а тибетец, если желаешь знать — лама, или гуру на вашем языке.

— Гуру из Тибета, — сказал Ким. — Никогда не видел такого человека. Значит, в Тибете есть индусы?

— Мы — последователи Срединного Пути — живем мирно в своих монастырях; я иду, чтобы увидеть прежде, чем умру, четыре священных места. Вы, дети, знаете теперь столько же, сколько старик. — Он ласково улыбнулся мальчикам.

— Ел ты что-нибудь?

Старик порывлся за пазухой и вынул старую деревянную чашу, в которую собирал милостыню. Мальчики кивнули головами. Все знакомые им духовные лица просили милостыню.

— Мне еще не хочется есть. — Он повернул голову, словно старая черепаха, греющаяся на солнце. — Правда ли, что в Лагорском Доме Чудес много изображений святых? — Он повторил последние слова, как будто ожидая подтверждения их.

— Это правда, — сказал Абдулла. — Он наполнен идолами язычников. Ты тоже идолопоклонник?

— Не обращай внимания на него, — сказал Ким. — Это правительственный дом, и там нет никакого идолопоклонства, а только сахиб с седой бородой. Пойдем со мной, я покажу.

— Чужие жрецы едят мальчиков, — шепнул Чота Лаль.

— А он и чужой, и идолопоклонник, — сказал Абдулла, магометанин.

Ким расхохотался:

— Он неизвестен нам. Бегите и заберитесь на колени к матери матерей и будете там в безопасности. Идем.

Ким с шумом повернул двигавшийся механически турникет; старик последовал за ним и остановился в изумлении. В первом зале стояли большие фигуры греко-буддистской скульптуры — одним лишь ученым известно, когда они были созданы забытыми скульпторами, рукам которых, казалось, таинственно передалось что-то из искусства греков. Тут были сотни обломков, резных рельефных украшений, кусков статуй и плит, фигур, которые украшали в былое время кирпичные стены буддистских мавзолеев и памятников Северной страны; теперь, открытые и снабженные надписями, они составляли гордость музея. С открытым от изумления ртом лама поворачивался от одного предмета к другому и, наконец, замер в восхищении перед горельефом, изображавшим коронацию, или апофеоз Владыки Будды. Властелин сидел на лотосе, лепестки которого были так нарезаны, что каждый из них казался отдельным. Вокруг него была целая иерархия властителей, старшин и древних Будд. Внизу виднелись покрытые лотосами воды с рыбами и птицами. Два дева (добрые духи) с крыльями бабочек держали венец над его головой; другая пара, повыше, поддерживала зонтик, наверху которого красовался головной убор бодисатвы¹.

---

¹ Высший дух, не достигший еще степени Будды.

— Господи! Господи! Сам Сакья-Муни! — почти рыдая, проговорил лама и прошептал удивительное буддистское заклинание:

Его и путь, его закон — Ананды¹ Господина
Бодисатвы, которого под сердцем
Носила Майя.

И Он здесь! Чудеснейший закон также здесь. Мое паломничество хорошо началось. А что за работа! Что за работа!

— Вон там сахиб, — сказал Ким и нырнул среди ящиков с произведениями искусства, минуя мануфактурный отдел. Седобородый англичанин смотрел на ламу, который степенно повернулся и поклонился ему. Порывшись несколько времени, он вытащил записную книжку и клочок бумаги.

— Да, это мое имя, — сказал англичанин, с улыбкой смотря на детский неумелый почерк.

— Один из нас, который совершал паломничество к Святым местам, теперь он настоятель Лунг-Чосского монастыря, дал это мне, — запинаясь, проговорил лама. — Он говорил мне про эти изображения, — его худая рука, дрожа, указала на все вокруг.

— Привет тебе, о лама из Тибета. Вот изображения, и здесь я, — он взглянул в лицо ламы, чтобы приобрести познания. — Пройди пока в мою канцелярию.

Старик дрожал от волнения.

Канцелярия была маленькая комната, отделенная от галереи, где находились скульптуры. Ким припал к полу, приложив ухо к щели двери из кедра, треснувшей от жары, и, следуя своему инстинкту, приготовился слушать и наблюдать.

---

¹ А н а н д а — любимый ученик Будды.

Большая часть разговора была выше его понимания. Лама, сначала с запинкой, рассказал хранителю музея о своем монастыре Суч-Зен, находившемся высоко среди скалистых гор, в четырех месяцах ходьбы от Лагора. Англичанин принес громадную книгу с фотографиями и рисунками и показал ему этот самый монастырь, гнездившийся на утесе, откуда открывался вид на громадную долину, почва которой была разнообразных цветов.

— Да, да! — лама надел очки в роговой оправе китайской работы. — Вот маленькая дверь, в которую мы вносим дрова на зиму. И ты — вы, англичане, знаете это? Тот, кто состоит теперь настоятелем монастыря Лунг-Чо, говорил мне это, но я не поверил. Владыка-Всесовершенный почитается и здесь? И жизнь Его известна здесь?

— Она вся высечена на камне. Пойди и посмотри, если ты отдохнул.

Лама, волоча ноги, прошел в главный зал, и хранитель музея вместе с ним просмотрел всю коллекцию с благоговением верующего и точностью оценок профессионала.

Он узнавал на истертых камнях событие за событием чудесной истории, затрудняясь по временам при виде незнакомых ему греческих предметов и восторгаясь, как ребенок, при каждой новой находке. В тех местах, где были пропущены связующие моменты, как, например, в благовествовании, хранитель музея пополнял пропуск, вытаскивая из кучи книг французские и немецкие с фотографиями и гравюрами.

Тут был и набожный Асита, тождественный евангельскому Симеону; он держал на коленях святого младенца, а мать и отец прислушивались к его словам; были тут и события из легенды о двоюродном брате Девадатта. Там — смущенная злая женщина, обвинявшая Будду в нецеломудрии, здесь — проповедь в Оленьем парке; чудо, которое

поразило огнепоклонников; Бодисатва в царской одежде; чудесное рождение, смерть в Кусинсларе, когда слабый ученик лишился чувств; почти бесчисленные повторения размышлений под деревом Боди; а поклонение нищенской чаше виднелось повсюду. В несколько минут англичанин убедился, что его гость не простой нищий, а серьезный ученый. И они еще раз повторили все; лама нюхал табак, вытирал очки и говорил с быстротой несущегося поезда железной дороги на удивительном языке — смеси языков урду и тибетского. Он слышал о путешествиях китайских паломников, Фо-Хиана и Хвен-Тянга, и очень хотел узнать, есть ли перевод их записок. Он вздохнул беспомощно, перелистывая страницы сочинений Биля и Станислава Жюльена. Все это есть здесь. Запертое сокровище. Потом он несколько успокоился и стал благоговейно прислушиваться к отрывкам, поспешно переводимым на язык урду. В первый раз он услышал о трудах европейских ученых, которые с помощью этих и других документов установили подлинность святых мест буддизма. Потом ему показали большую географическую карту с точками и линиями желтого цвета. Смуглый палец двигался за карандашом англичанина с одной точки на другую. Вот тут — Капилавасти, здесь — Среднее царство, тут — Махабодхи — Мекка буддизма, а здесь — Кусинагара, печальное место смерти святого. Старик молчал некоторое время, опустив голову на листы, а англичанин закурил другую трубку. Ким заснул. Когда он проснулся, продолжавшийся разговор был еще более непонятен.

— И таким образом, о Источник мудрости, я решил идти к святым местам, которые попирала Его нога. К месту рождения, даже в Капила; потом в Махабодхи, в Буддохчайю, в монастырь, парк оленей — к месту Его смерти.

Лама понизил голос.